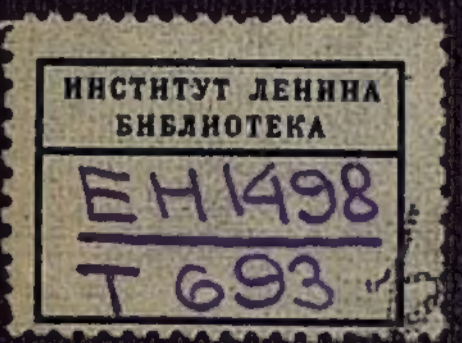
Томский

Задачи

культраб.

профсоюз.

М. П. Томский

ЗАДАЧИ КУЛЬТРАБОТЫ ПРОФСОЮЗОВ

„Украинский Рабочий“

М. П. ТОМСКИЙ

ЗАДАЧИ КУЛЬТРАБОТЫ ПРОФСОЮЗОВ

РЕЧЬ НА ВСЕСОЮЗНОМ КУЛЬТСОВЕЩАНИИ ПРОФСОЮЗОВ 15/IV 1926 г.

Харьков, 1926

Тип. кооперат. изд-ва
„Украинский Рабочий"
Харьков

Зак. № 638|1001. Укрголовліт № 1752. Тир. 10.000 экз.

Культработа профессиональных союзов и профпечать

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ КУЛЬТРАБОТЫ СОЮЗОВ

Товарищи, я думаю, что задача данного совещания, первого в нашей практике столь обширного совещения культработников, это—подвести итоги нашей практической культработы и в основных чертах наметить дальнейшую линию развития в различных ее отраслях. Я думаю, здесь на совещании, прежде чем наметить наши дальнейшие шаги в этой области, нелишне будет вспомнить историю развития культработы в наших профсоюзах. Мы часто предъявляем культработе очень строгие требования. Большим нападкам со стороны ВЦСПС в целом, и меня, в частности, подверга-

лась культработа, именно потому, что, по существу говоря, это—совершенно новая, молодая, мало знакомая нам отрасль массовой профессиональной работы.

На самом деле, если мы посмотрим опыт работы профсоюзов в дореволюционное время, то мы там в отношении культурно-просветительной работы ничего не увидим, потому что никакой культурно-просветительной работы в современном смысле тогда не велось и там искать что-нибудь похожее на современную культработу—бесполезно. Вся культурно-просветительная работа профсоюзов старого времени, периода 1905—1910 г., заключалась, главным образом и почти исключительно, в издании журналов. Правда, здесь нужно оговориться,—в большинстве случаев эти журналы были лучше теперешних журналов, что нужно поставить в заслугу профсоюзам старого времени. Кроме этой работы, никакой другой культурно-просветительной работы союзы не вели, и те рабо-

чие клубы которые существовали в старое время, были совершенно самостоятельные от профсоюзов организации.

Если мы возьмем работу профсоюзов в период Февральской революции 1917 г., то также увидим, что до Октябрьской революции в области культурно-просветительной деятельности союзов, за исключением разве издания журналов и случайно поставленных лекций или концертов, никакой работы не велось. Культурно-просветительная деятельность союзов второго периода революции—периода военного коммунизма—мало отличается от предшествующего периода. Здесь союзы также почти никакой культурно-просветительной работы не вели: мешала гражданская война, ибо культурно-просветительная работа нашими профработниками велась на фронте. Издавались журнальчики, были робкие попытки создавания клубов со стороны профсоюзов, при чем в этих клубах была самая беспорядочная, бессистемная,

никем не контролируемая, никем не руководимая работа. Лекции, которые ставились в клубах, носили чисто случайный, разрозненный характер. В этом доме союзов, где мы имеем удовольствие сейчас заседать, был организован одним из первых клуб. Вы, наверное, помните, как велся этот центральный клуб. Сегодня—лекция об электрификации, завтра—о лунном затмении, послезавтра—о козоводстве, дальше—о разведении фруктовых деревьев, затем о Китайской или Германской революции. Это характерно для всей культурно-просветительной работы периода военного коммунизма, периода гражданской войны.

СОЮЗНАЯ КУЛЬТРАБОТА ПРИ НЭПЕ

В условиях новой экономической политики мы по-новому поставили вопрос о культурно-просветительной работе союзов. У всех нас в памяти живо (не мешает это напомнить и тем, кто забыл), с

каким скептицизмом встретили массы наших союзных работников все новое, что приходилось говорить о культурно-просветительной работе. Когда приходилось говорить о том, что с развитием, с укреплением нашего профдвижения в новых условиях, в обстановке нэпа, культурно-просветительная работа будет играть все более и более доминирующую роль, нам не возражали, но не возражали почему? Да, стоит ли, мол, о таких предметах 5-го разряда говорить и спорить! И нужно было посмотреть эти иронические улыбки в зале, когда мы говорили о том, что работа эта должна пойти по десятку новых путей, что полезно, необходимо, чтобы рабочие имели свой оркестр, свой хор, имели свои клубы, чтобы в клубах рабочие могли развлекаться, отдыхать, т. е. все то, что теперь не только ни в ком сомнений не возбуждает, но повсюду проводится в жизнь. Тогда все молчали и ядовито только улыбались. И первая наша задача того

периода была—пробить брешь в стене этого скептицизма—устранить кавалергардское отношение тарифников, оргработников и вообще профработников к культурно-просветительной работе, как к какой-то работе пятого разряда, как к какому то баловству, шалости, на которую можно направить тех работников, которые ни на какую другую работу не годны. Много энергии пришлось нам потратить фактически на культурно-просветительную работу среди работников профдвижения, чтобы доказать им полезность, необходимость и важность культурно-просветительной работы. Кое-что от этого отношения осталось еще и до настоящего времени. Но теперь все больше, все серьезнее и почти совсем серьезно начинают относиться к культурно-просветительной работе. Все, наконец, близки к тому, чтобы признать, что это—самая трудная, самая сложная, самая неизведанная область работы профсоюзов, ибо здесь

ни опыт западно-европейских, ни опыт американских союзов не помогут, ибо там так и в таком масштабе работа не велась. Однако, отдельные виды культработы, по кусочкам розбросанные в разных странах, как напр.: рабочие комедии в Англии, певческие общества в Финляндии и Австрии и т. д., должны нами тщательно изучаться, дабы возможно лучше применить и использовать их опыт в нашей работе. Что сейчас при бурном развитии культурно - просветительной работы мы с вами делаем очень много ошибок—это бесспорно, что мы их еще будем продолжать делать долгое время—тоже бесспорно, и что здесь всякая более или менее серьезная ошибка очень опасна—также бесспорно. Поэтому, молодым работникам в новой отрасли работы внутри профсоюзов приходится наиболее строго, наиболее внимательно относиться и к себе и к своим ошибкам, а руководящим органам приходится наиболее резко бичевать общие недостатки

в этой работе. Необходимость всего этого вызывается той ролью которую все больше начинает играть культурно-просветительная работа. Если мы вспомним историю культ.-прос. работы вообще за период революции, мы увидим, что она велась не только профсоюзами,—мы увидим, что напутано в этой работе немало. Мы видели пролеткульт, который пытался с особой пролетарской культурой, видели и другие организации, при чем каждая из них, по мере своих сил, вносила какую-нибудь путаницу в это дело. Если нашим профсоюзникам приходилось очень долго, очень убедительно агитационно-пропагандистскими и административными мерами доказывать, что культурно-просветительная работа не является какой-то обособленной работой, а является частью общесоюзной работы, если иногда даже у нас, в профсоюзах, откуда-то обнаруживалось стремление создать особые организационные формы, особого культ-движения, то мы

ясно видим, как действительно внимательно всем нам необходимо относиться к нашим успехам и недочетам в области культурно-просветительной работы. И что печально в нашем опыте, это то, что еще и практики как следует мы не завели, не нашли устойчивых методов работы, традиции дурные у нас уже начинают уживаться.

РАЗВЛЕЧЕНИЕ ИЛИ ПРОСВЕЩЕНИЕ

В первый момент нашей работы, мы слышали недоумевающие голоса: по какой линии должны пойти наши клубы и вся культурно-просветительная работа— по линии развлечений, или по линии просвещения? Тогда нам приходилось доказывать, что нелепо ставить вопрос либо—либо, это так же глупо, как задавать вопрос: что ты предпочитаешь— есть или дышать, ибо ответ будет: и есть и дышать. Наша культработа должна охватывать и политико-просветительную

работу, и развлечение, и отдых. В настоящее время этот спорный вопрос как будто сдан в архив, но если вы вглядитесь внимательно в работу наших клубов и культотделов, то по временам колебания и уклончики то в ту, то в другую сторону, несомненно, наблюдаются. Мы слышали не так давно на происходившем более узком собрании культработников голоса, которые раздавались против изобразительной, музыкальной и т. п. деятельности клубов. Раздавались голоса „сократить до минимума“. И нам, ВЦСПС, приходилось поправлять их. Что же эта качка, изжита? Нет, не изжита. Не изжиты почти все вопросы, которые в свое время носили принципиальный оттенок (как будто бы можно принципиально ставить вопрос о том, могут ли рабочие танцовать, или не могут). Если мы посмотрим на практику в рабочих районах, то в жизни не только массовик-рабочий, но и лица повыше, покультурнее, потихоньку танцуют. А пу-

блично нельзя — запрещают. Поэтому-то у рабочих устраиваются нелегальные вечеринки „потихоньку“, рабочие прячутся. И это происходит порой с участием передовых слоев рабочих—комсомольцев. А в клубах те же люди кричат: „нельзя“ и гонят таким образом молодежь на нелегальные вечеринки, где они предоставлены сами себе. Лучше, если бы это было в клубах. Не потому, что мы являемся сторонниками танцев, а потому, что плохо, если рабочий,—молодой, или старый, передовой или массовик,—убегает от своей организации, что-то делает потихоньку. Мы сразу же, на первых шагах нэпа, когда появились пивные с их концертами, увидели в них своего страшного конкурента. Могли ли мы тогда отделаться красивым жестом и сказать: „такие грязные учреждения нам не конкуренты“? Нет, мы увидели в пивной конкурента рабочему клубу, мы поняли, что если рабочий пойдет искать развлечения в пивную, то тем самым он уйдет

от своей рабочей среды. И опять возникают попытки поставить этот вопрос—то принципиально, то гигиенически,—опять выплывают вопросы о танцах, о музыкальных кружках и пр. Я не помню, на каком из съездов мне комсомольцы подали записку, что они никак не могуть понять, как это я, такой разумный, по их мнению, человек, отстаиваю такую глупую вещь, как танцы. Во-первых,—чтобы разъяснить публике—я никогда танцев не отстаиваю, ибо самого меня господь этому искусству не вразумил. Я меньше всего принадлежу к разряду тех людей, которые думают, что танцы—это мышление ногами. Наоборот, думаю, что очень вредно когда люди слишком часто мыслят только ногами. Я все время был, продолжаю быть и думаю, что буду до глубокой старости, если до нее доживу, противником всякого лицемерия, интеллигентского ригоризма и попытки насильственно навязать людям измышления,

произведенные в тиши кабинета, которые не вытекают ни из жизни, ни из опыта, ни из психологии человека. Когда говорят, что молодым рабочим нужно внушать, что „ногами шевелить—это беса веселить“,— я считаю, это проявлением самого обычного мещанского интеллигентского ригоризма. Никто не доказал, где в этом кроется измена пролетариату, когда молодой рабочий хочет танцовать и танцует. Люди, рассматривающие рабочего по умным книжкам и по очень серьезным современным романам, в которых все рабочие очень благородны и хороши, а люди других классов очень плохи,—пытаются, имея общение с надуманным книжным рабочим, воспитать такого же бумажного рабочего, которого в природе нет. Рабочий—есть человек, который работает, занимается политикой, борется за интересы своего класса, на работе устает, хочет отдохнуть, имеет желание развлечься, который живет, как человек,

как работник, как семьянин и как борец за интересы своего класса. Нет такого рабочего в природе, который был бы борцом за интересы своего класса и только. И если мы по книжному будем подходить к рабочему то те потребности, которые мы не можем удовлетворить, будут удовлетворять другие, он будет уходить от своей рабочей организации и, следовательно, в этой части будет подпадать влиянию чуждых элементов. А по нашему скромному пониманию, задача профсоюза заключается в том, чтобы от колыбели и до могилы, на фабрике и вне фабрики обслуживать рабочего. На сколько процентов мы эту задачу сейчас выполняем, этого касаться я не буду, но мы должны стремиться выполнить ее полностью. Под этим углом зрения культурно-просветительная работа является одной из отраслей, неразвывно связанных со всеми отраслями рабочего движения. И вот эта качка, эта реакция, эти по-

пытки возврата к старому, стремление придать клубу исключительно политпросветительную роль являются вредным уклоном; от них мы должны самым решительным образом навсегда отказаться. Другое дело, если мы еще не умеем клубы сделать такими, как нам хочется. Но это не вина, а беда наша. Не нужно закрывать глаза на то, что не так легко сделать культурно-просветительную работу такой, чтобы она полностью обслуживала все запросы рабочего, это—трудная задача. Но ошибкой и уклоном будет ограничение задач клуба, например, если мы заявим: учить рабочих мы будем, а вот развлекаться и отдыхать—идите на все четыре стороны. При таких условиях клуб обращается в школу политграмоты, из которой рабочий, уставший после работы, будет убегать. Я несколько раз говорил, и мне прямо неловко повторять одни и те же бесспорные истины, что не только человек, которому изо дня в день вдалбливают в голову мировые

вопросы, но и слон индийский может взбеситься.

КЛУБЫ—ГЛАВНЫЙ РЫЧАГ КУЛЬТРАБОТЫ

Клубы попрежнему должны оставаться главным рычагом нашей культурно-просветительной работы. Успехи наши в области клубной работы колоссальны. Вместе с численным ростом клубов и оживлением клубной работы в ней, конечно, много и недостатков. Старые недостатки, на которые я несколько раз указывал, остаются до сих пор неизжитыми. Мой удел довольно незавидный и утешает меня только то, что—это удел всех пропагандистов: с тобой неохотно спорят, но и неохотно проводят в жизнь сказанное. Я думаю, что часто товарищи, приезжающие на совещания и съезды, по отношению к нам, представителям, как говорят, центра, применяют ту же тактику, которую в клубах по отношению к ним применяют члены клубов: не спо-

рят, голосуют, а живут по своему. Вот передо мной лежит обследование одного из крупных московских клубов—Краснопресненской Трехгорной Мануфактуры. Иинтересны в нем бытовые клубные картинки, вырванные из жизни. Один из членов клуба говорит другому, когда вопрос ставится на голосование: „Да, ладно, Ванька, подымай руку, разве жалко?“ Я не хочу, чтобы вы, исходя из такой же снисходительности, так же относились к нам. Давайте поспорим по спорным вопросам, давайте лучше поссоримся, может быть найдем взаимные компромиссы, но те резолюции, которые мы будем принимать, давайте добровольно проводить в жизнь, чтобы не ставить нас в неудобное положение, не заставлять нас решительно настаивать на их проведении. На самом деле, сколько раз мы говорили о клубной экономии? Пусть кто-нибудь подсчитает, сколько резолюций вынесено по СССР об экономии клубных средств,

о сокращении клубного аппарата, и пусть кто-нибудь укажет, что в этом направлении сделано. В обследовании есть и такая картинка: в воскресенье клуб не работает, потому что „в воскресенье служащие хотят гулять“; в 9 часов приходит буфетчик и говорит: „ну, довольно, посидели, пора расходиться“. Это — проявление того самого несчастья, которое всегда существует при развитии какого-нибудь аппарата. В конце концов получается, что не служащие существуют для клуба, а клуб для служащих. Некоторые клубы размахиваются очень широко: имеют по 20 комнат и больше, а что в этих комнатах делается—никто этим не интересуется.

В одном месте задыхаются от тесноты помещения, в другом не умеют использовать имеющееся помещение—не хватает сил: путается по комнатам руководитель клуба и не знает, что где делается.

ИЗЖИТЬ ШТАМП В КУЛЬТРАБОТЕ

Штамп, господство штампа в культработе, о котором мы не раз говорили, продолжает существовать и по сей день. Достаточно взглянуть на ленинские уголки в нескольких клубах. Разве здесь мы не видим попытки штамповать все формы работы? Разве некоторые игры, которые в качестве методического пособия преподаются из центра, не носят на себе характера штампа, плохо состряпанного в кабинете. Об этом мы предупреждали и говорили на конференциях и съездах и об этом я еще раз предлагаю вам, культработникам, подумать на данном совещании. Опасно зажимать молодое движение в железные рамки, пытаться его причесать под ту гребенку, которую мы создали, сидя в кабинете. Известно, что мы, посидевши спокойно в кабинете, легко напишем какую угодно резолюцию, составим любой план и, если к этому нужна будет еще диаграмма, мы и

ее сумеем легко сделать, потому что люди имеют дело с бумагой, краской— предметами неодушевленными. Гораздо труднее, когда приходится иметь дело с предметами живыми, которые кричат, шумят, иногда в клуб не идут, а иногда прут так, что не хватает помещения; на одну лекцию идут, на другую не идут. Это гораздо труднее, а вот план написать—это проще. Но это опасно и вредно. Пытаться все сейчас же затиснуть в календарный план, в определенную систему, регламентировать все из центра и из центриков—это самая опасная казенщина и трафарет.

ВОПРОСЫ БЫТА В КУЛЬТРАБОТЕ

Я хотел бы коснуться еще одного маленького вопроса, который мне не раз задавали культработники: почему я в своих выступлениях не касаюсь быта и не ставлю его в порядок дня наших культурно-просветительных учреждений.

Я не против того, чтобы по этому вопросу меня кто-нибудь назвал еретиком, но я думаю, что по вопросам быта в настоящее время нужно поменьше говорить и побольше делать. Те, которые особенно много говорят по вопросам быта в настоящий момент, по моему, на $^{9}/_{10}$ бесполезно сотрясают воздух своими речами. Что такое быт? Из каких элементов он складывается, чем определяется? Вот первые вопросы, которые нужно себе поставить. Для того, чтобы обеспечить правильный, хороший быт, нужно, во-первых, дать хорошую зарплату. Это—первый элемент. Хорошее жилище—второй элемент. Хорошее учение—третий элемент. Хорошее лечение—четвертый элемент. Хорошее развлечение—пятый элемент и т. д. А теперь я вас спрашиваю, сколько у вас этих элементов имеется в наличности? Совершенно правильно рабочие некоторых текстильных фабрик на наши попытки перенести культурно просветительную деятельность

в казармы заявляют: „Ступайте вы подальше с вашей культурно-просветительной деятельностью в казармах! Мне сундучок распахнуть негде, а вы сюда лезете с культурно-просветительной деятельностью!“ Когда приходится жить койка с койкой, и тут же люди, переполненные самых благородных чувств, читают длинные лекции о новом быте! Какой у нас может быть новый быт, пока мы живем по старому, когда казарма 1926 г. ничем не отличается от казармы 1909 г.? Как ты поставишь в новом быту гигиену, разумные занятия и пр., когда в одной комнате живет 5 семейств. Вся работа профсоюза,—когда он борется за зарплату, когда он ведет культурно - просветительную работу и когда он руководит социальным обеспечением,—каждый данный момент работы есть работа по улучшению быта рабочего. Это работа медленная, длительная, но, вместе с тем, это есть работа по улучшению быта.

Нет такой профсоюзной работы, которая бы обходила рабочий быт.

Общие же разговоры о быте вообще, о раскрепощении женщины, о воспитании молодого поколения в чистоте, по всем правилам гигиены, при современной казарменной жизни рабочих, или когда в одной комнате помещается 5 семейств,— все это пустые разговоры. Вот, когда мы построим новые дома, а для этого надо еще много поработать, поднять производительность труда, чтобы промышленность развернулась и разбогатело наше государство,—тогда будет быстро улучшаться и быт.

Вот почему я и сказал, что приходится поменьше об этом говорить, а побольше изо дня в день по мелочам делать.

Иначе создается опасность расплыться в общих словах, удариться в маниловщину, подменить конкретные задачи общими рассуждениями на тему: „хорошо бы было, если бы“...

ИЗЖИТЬ ЧРЕЗМЕРНОЕ ОБИЛИЕ КРУЖКОВ

Я хочу еще коснуться одного момента клубной работы. Мы шли, по моему, по правильному пути, стараясь придать клубной работе самый разносторонний и многогранный характер, но мы—народ темпераментный, это известно всему миру, и когда начинаем что-нибудь делать, обычно увлекаемся и в результате всегда чуть чуть пересаливаем. Я думаю, и здесь мы пересолили, когда при некоторых клубах организовали по 20 кружков: „друзья радио“, „друзья детей“, „друзья кино“, „друзья матерей“ и т. д. А кто этими „друзьями“ руководит, в чем выражается их деятельность—никто не знает. Давайте на первое время будем несколько менее многогранными и разносторонними: будем давать людям задания и себе брать работу только в тех пределах, в которых мы можем ею действительно руководить, следить за ней и изучать ее.

ОХВАТИТЬ КУЛЬТРАБОТОЙ НОВЫХ РАБОЧИХ.

Настоящий момент, настоящий период выдвигает перед нами новую ударную задачу—неусыпно изо дня в день подымать рабочий класс в культурном отношении,—все выше и выше, без лишних криков. Одними словами мы не переделаем быт, необходимо выше поднять в культурном отношении пролетариат. В данный момент особые, специфические задачи ставятся перед нашей культурно-просветительной деятельностью, в связи с приливом новых рабочих слоев в нашу промышленность. Я не стану подробно повторять вам той части моего доклада на XIV съезде партии, который мне пришлось делать, и ограничусь лишь голым указанием, что мы сейчас имеем два слоя рабочих перед собой: старый, революционный кадр рабочих, который пережил революцию, выстрадал в период революции, многому

научился за это время и сейчас следит изо дня в день за политической жизнью страны, читает газеты лучше нас с вами и порой знает не меньше инструкторов некоторых культотделов. Это один тип рабочего. Этот слой довольно значительный. Печально то, что многих из таких передовых, сознательных рабочих мы втянуть в нашу активную профессиональную работу еще не сумели. А, ведь, это—будущий резерв всего советского, союзного, партийного актива.

Перед нами имеется опасность не поспеть за культурным ростом этого слоя, не суметь удовлетворить его растущие культпотребности и запросы. Если же наша работа отстанет от культурного роста этого слоя,—он перерастет эту работу, а перерост бывает разный: хороший или плохой. Даже тогда, когда лишь самые передовые рабочие уходят от влияния своего союза, своей партии, редко получается хороший результат. Поэтому мы должны обратить серьез-

ное внимание на обслуживание этих рабочих.

Наряду с этим перед союзами встает вторая задача: новые рабочие вливаются в наши предприятия из деревни, идет сюда и молодежь, не видевшая раньше фабрики, не знающая производственной дисциплины, не знающая пролетарской дисциплины, не имеющая представления о задачах своего класса. Обслужить этот сырой материал, поднять его до уровня основного промышленного кадра пролетариата—вот вторая задача, которая стоит перед нами в общем и целом.

Мы не можем, конечно, допустить, чтобы у нас на фабриках и заводах складывались два культурно различных слоя пролетариата: во-первых, рабочая аристократия, если можно так выразиться, поскольку пролетариат культурен, и во-вторых — молодые, отсталые рабочие. Имейте в виду, что молодые рабочие, особенно деревенские, приносят с собой на фабрики и заводы массу предрассуд-

ков, выносимых ими из деревни, с которыми требуется длительная, осторожная борьба, не борьба кулаком, а борьба словом, убеждением, перевоспитанием. Говоря словами Владимира Ильича, мы должны „терпеливо убеждать“.

Здесь я позволю себе отклониться от темы и сказать, что терпением мы не всегда богаты. Может быть, власть испортила нас немного: все мы чувствуем себя участниками государственной власти, пережили слишком бурные годы, когда приходилось больше разговаривать пулеметом и винтовкой, чем словами, и поэтому иной раз там, где требуется терпеливое убеждение, применяем иные методы. А Владимир Ильич говорил не раз—помните, что в профессиональной работе главным методом работы является убеждение. Это верно для профсоюзов вообще, а культурно-просветительная работа профсоюзов требует еще в 10 раз большей осторожности. Здесь единственный метод—просвеще-

ние, убеждение, терпеливое воспитание. Этого терпения у нас часто не хватает. Мы это видели на опыте антирелигиозной пропаганды, к которой подходили грубо. Мы видели это отсутствие терпения во многих отраслях нашей политпросветительной работы, когда мы пытались подходить к беспартийным рабочим, слепо копируя партийные методы пропаганды и внутрипартийного политвоспитания. Мы это видели и на опыте тех требований, которые профсоюзы предъявляют порою к своим членам. Не так давно были случаи когда за религиозность исключали из членов союза, забывая, что профсоюз является объединением всех работающих по найму, независимо от их политических убеждений, религии и национальности.

Особое терпение, особая осторожность требуются в отношении к новым слоям рабочих, ибо тут приходится иметь перед собою совершенно сырой материал. Вот задачи, которые стоят перед нашими

культурниками. С одной стороны, суметь обслужить и все более и более подымать культуровень основного кадра промышленных рабочих, а с другой стороны—суметь приспособить свою работу к постепенному воспитанию новых сырых кадров молодых рабочих, прибывающих из деревни.

Посмотрите на те промышленные города, в которых наиболее силен был прилив рабочих в этом году, в частности на Иваново-Вознесенск, и вы увидите, что идет рабочий, тесно связанный с землей.

Мы часто слышим крылатую фразу: „Возвращается старый рабочий, вот это —основной рабочий".

Плох тот основной рабочий, который убежал из города от революции и возвращается в него сейчас, просидев 7-8 лет в деревне!

Он и раньше не был хорош, да и одичал за эти 7 лет, отстал от жизни и работы.

КАЖДУЮ ГРУППУ ОБСЛУЖИТЬ ОТДЕЛЬНО

Все эти слои рабочих распыляются по разным союзам, по разным отраслям производства, работают в различных условиях. В этом году мы будем иметь в крупных промышленных центрах колоссальный прирост строительных рабочих. Прилив сезонных рабочих всюду и везде будет колоссальный. Как обслуживаются эти рабочие в культурном отношении?—Никак. Нечего греха таить,—не в обиду будь сказано союзу строителей и другим,—культработа ведется по трафарету: везде через клубы—и здесь через клубы. Никто не задает себе вопроса,—а годится ли для этой категории рабочих, по характеру своей работы разбросанных на большой территории, порой небольшими группами—клуб, как главный рычаг культурно-просветительной работы? Таким вопросом в большинстве случаев не задаются: есть циркуляры, инструкции, тезисы,

постановлений—клуб есть альфа и омега, так от него начинай, им и кончай.

Нужно искать новых методов, новых форм работы, нового подхода к каждому слою рабочих отдельно Имеем ли мы готовые предложения по этому вопросу? Могу ли я или наш культурно-просветительный отдел рекомендовать те или иные формы? Не можем. Надо искать эти формы, и вы должны искать. Вы ближе стоите к этим рабочим.

НАЛАДИТЬ КУЛЬТОБСЛУЖИВАНИЕ СЕЗОННИКОВ

Основная задача обслуживания в культурном отношении двух слоев внутри рабочего класса разбивается еще на ряд задач: суметь это обслуживание приспособить к характеру производства рабочих, к времени их работы, к условиям их работы. Без этого наша культурно-просветительная работа будет оторвана от жизни и масс. Я имел спор кое с кем

из союза строителей по поводу того, где они должны обслуживать свои массы сезонников—в городе, когда они приходят на сезонную работу, или когда они уйдут в деревню. Я думаю, что исход спора ясен сам собой. Если тогда, когда рабочие пришли к тебе в город, ты не сумел их обслужить, то потом, когда они распылятся по всей СССР и разбредутся в медвежьи углы, на 80 верст от железной дороги,—тогда ты со всей своей культурой и подавно их не достанешь. Если союз тогда, когда они пришли в город, не сумел их обслужить,—вся остальная работа ни более ни менее, как пустая болтовня.

Культурно-просветительная работа среди сезонников в те периоды, когда они за отсутствием работы отсиживаются в деревнях, является подчас хвастовством, профхвастовством. Мы знаем, как работают провинциальные организации, когда на 250 верст вдоль и поперек тянется уезд, а в нем 500 или 700 чел.

членов профсоюза, да никаких путей сообщення, никакой связи, кроме как только на своих на двоих—шагай из угла в угол. Тут культурно-просветительной работы не развернешь. Какая система культурно-просветительной работы должна быть применена при этих условиях? Ответ как будто бы подсказывается сам собой: передвижка, передвижные лекции, передвижные библиотеки, может быть, спектакли, кино-сеансы и т. д. Но надо предварительно изучить эти методы и кое-какие вехи в этом отношении должны быть намечены настоящим совещанием.

НОВЫМИ МЕТОДАМИ УСТАНОВИТЬ СВЯЗЬ С СЕЛОМ

Нам нужно обратить внимание—это политическая задача рабочего класса—также на установление культурной связи между городом и деревней, между пролетариатом и крестьянством по новым

путям, по новой линии, новыми методами. Мы видим, что старые методы, которые мы применяли, правда, всего год с лишним, но которые, неуспев еще расцвести, состарились,—не достигают цели. Боюсь прослыть скептиком, но думаю, что, так называемое, культурное шефство города над деревней, отдельных фабрик над селами и т. д., блестящих результатов не обещает.

Первая задача культурной связи города с селом—обслужить полурабочего, полукрестьянина тогда, когда он приходит в город на заработки.

Вторая задача—обслужить фабрики и заводы, которые находятся в деревне среди сельского населения. Для них необходимо поставить массовую просветительную работу. Отсюда, от фабрик, пойдет культура в деревни, от этих фабрик побежит электричество в крестьянские избы, от этих фабрик должна просачиваться и проникать в деревню элементарная культура. Это—наиболее

простой, наиболее доступный нам путь. Задачи эти, на первый взгляд, очень, как будто, небольшие, на самом же деле— сложные и трудные.

Сумеем ли мы их удовлетворительно выполнить не только в ближайшие годы, а в ближайшие 2-3 года, Думаю, что если в 3 года мы на тех фабриках, которые вдвинуты в провинцию, поставим образцовую массовую культурно-просветительную работу, чтобы, прежде всего, через самих рабочих этих фабрик и заводов, живущих среди крестьянства, связанных с крестьянами, порой самих из крестьян ближайших деревень, проводить культурное влияние на крестьян, а затем шире обслуживать и втягивать ближайшие слои крестьянства в сферу своей культурно-просветительной деятельности—то это будет хорошо. На первое время нам необходимо уметь обслуживать сезонных рабочих тогда, когда они приходят в город, хотя бы так, как мы обслуживаем по-

стоянных рабочих в городах, но в дальнейшем мы должны стремиться сезонников обслужить лучше, ибо они приходят на несколько месяцев и уходят, а городские рабочие остаются все время с нами.

Это — сложная, трудная задача, — суметь приспособить формы работы, методы работы к культурному уровню и к особенностям работы каждого слоя рабочих.

А если это — трудная задача, то сколь же безбрежна задача с нашими слабыми союзными культурно-просветительными средствами, с нашими слабыми культурно-просветительными силами сейчас же ринуться в глубь деревни и всю ее культурно перевоспитать, как предлагали некоторые пылкие головы. Не напоминает ли это немного хвастовство? Вот давайте первую ударную задачу выполним и посмотрим, насколько после этого мы сможем дальше продвинуться.

СОЮЗНАЯ КУЛЬТРАБОТА ОСЛОЖНЯЕТСЯ

Это—ударная и трудная задача; трудность ее заключается еще в том, что сама наша культурно-просветительная работа все время осложняется и осложняется, в ней самой выявляются новые отрасли, а в отдельных отраслях еще оказываются виды и подвидики. В тех отраслях культурно-просветительной работы, которые на первых порах нам казались такими простыми и ясными, теперь открывается целый ряд больших, глубоких и интересных вопросов.

Возьмем, например, физкультуру. Сперва казалось, физкультура—это что-то чрезвычайно простое: организуй людей и пусть эти люди гимнастикой какой-нибудь занимаются. Когда мы стали подходить ближе, оказалось, что физкультура является сложнейшим делом, которое должно быть связано и с культурным воспитанием рабочего, и с условиями его труда, и с изучением того, какой тип гимнастики

ему нужен. Получилось разделение физкультуры на отдельные виды и т. д., выросла целая группа вопросов,—и так всюду и везде.

Недавно, по моему заданию, культурно-просветительный отдел приступил к разработке номенклатуры своей работы. Дело простое. Я года 2 прошу все свои отделы взять и на небольшом листке бумаги перечислить, что делает каждый отдел и каковы его задачи. Сперва все недоумевали—зачем это нужно, каждый и так знает, каковы задачи данного отдела. Но когда культурно-просветительный отдел стал перечислять свои задачи, функции и обязанности, то получился довольно толстый том, при чем если эту номенклатуру несколько разработать и пояснить—составится целая энциклопедия о культурно-просветительной работе. Так сложны теперь задачи этой работы.

Больше того—отдельные отрасли культурно - просветительной работы дифе-

ренцируются. Мы скоро будем иметь особые типы культурников, как мы имеем среди профсоюзных работников лиц с определенными уклонами — тарифников, культурников, организаторов. То же самое мы будем иметь и в отношении культработников — уклоны в сторону библиотеки, искусства, физкультуры и т. д. Я только от души желаю, чтобы это не пошло в ущерб общей подготовке и общему кругозору работников, но эта специализация необходима. Профессиональная работа в настоящее время — большая, сложная наука, каждая часть ее требует, в свою очередь, огромной подготовки. Нельзя теперь серьезно руководить физкультурой, руководить живыми людьми, не изучивши этот вопрос, потому что иначе вы рискуете изуродовать этих людей.

Нет теперь такой работы в профсоюзе, которая не требовала бы глубокого внимания к себе. Работа сейчас массовая, каждому приходится иметь дело с

массой. Размах работы нашей организации небывалый в истории профдвижения—мы насчитываем 8 милл. человек в своей организации. Когда мир видал такую профорганизацию рабочих в рамках одной страны? Не было никогда, чтобы одна организация в одной стране централизованно охватывала 8 милл. людей. Это—колоссальная работа. Что она требует? Я только от души желаю, чтобы при необходимой специализации, вызываемой диференциацией работы, у нас не получился с культурниками такой же конфуз, который у нас наблюдается вообще между работниками отдельных отраслей профработы, когда тарифник изобретает свой язык, а культурник —свой. Если мы пойдем дальше по этому пути, то через несколько лет, пожалуй, запри мы тарифника с культурником в одной комнате, они не поймут друг друга (Смех. Аплодисменты).

Необходимо, сколь бы ни была узка специальность профработника, чтобы

от общей профессиональной работы, от общих задач профессиональных союзов он никогда не отрывался и чтобы скромная узкая отрасль профессиональной работы, как бы скромна она ни была, проводилась под углом общих задач всего профессионального движения в целом.

ВОСПИТАТЬ ПРОФРАБОТНИКОВ

Тут перед нами встает такой вопрос: что такое профессиональный работник и каким требованиям должен он удовлетворять. Мы на этот вопрос неоднократно давали ответ. Идеальный профессиональный работник — это тот, для которого каждый вопрос, как бы сух, как бы специален он ни был, связывается с общими задачами профсоюзов, разрешается под углом зрения обще-профессиональных задач, в связи с задачами, стоящими в настоящий момент перед его классом в целом. Вот те тре-

бования, которые мы предъявляем к каждому профработнику, в том числе и к культработнику.

Это требует от нас, от профсоюзов, новых кадров культурных работников. Каждый из вас в своей работе, вероятно, наталкивается (мы, по крайней мере, очень остро это чувствуем) на недостаток подготовленных, достаточно грамотных профработников вообще—по тарифной, по организационной и по культурно-просветительной линии.

Больше того, если многие из здесь присутствующих будут искренни, то они сознаются, что порой они чувствуют большой пробел в своей собственной подготовке и знаниях, в связи с теми грандиозными задачами, которые вырастают перед ними сейчас в практической работе.

Все это ставит перед нами задачу профвоспитания и подготовки нового профактива и перевоспитания и большей подготовки существующего.

Относительно существующего актива трудность заключается в том, что мы все еще очень сильно устали, устали от бурного темпа жизни, устали от неумения работать, от представительств, от беспорядочности, от бесконечних заседаний, от вызываемой ими бестолочи, от нагрузок и перегрузок—это первый вопрос.

Во-вторых, на почве общего утомления безусловно вырастает некоторая умственная лень: когда человек устал, ему не хочется думать, да и зачем думать, когда имеются такие хорошие циркуляры, положения—справился, посмотрел и баста. Отсюда раздаются часто требования работников с мест инструкций по каждому пустяку. Люди отказываются от инициативы, от возможности творить, продают свое первородство за чечевичную похлебку, требуют: дайте инструкций, без инструкций работать не можем. И наши неоднократные, искренние попытки поднять самодеятельность

низовых организаций и, на основе этой самодеятельности, поучиться, посмотреть, подытожить этот опыт наталкиваются на требования—дайте точную инструкцию, как развивать работу, какую сторону ее развивать и когда развивать. Иными словами—по инструкции легче жить, не надо думать—пусть, дескать, думает лошадь, у нее голова больше.

ПОМЕНЬШЕ ЦИРКУЛЯРОВ, БОЛЬШЕ ЖИВОЙ РАБОТЫ

Товарищи должны понять, что те новые сложные задачи, которые именно в области культурно-просветительной работы вырастают с каждым днем, требуют вдумчивой инициативы, новых приемов, которых никогда, ни в каком кабинете ВЦСПС не выдумаешь. ВЦСПС может только обобщить, отфильтровать, отобрать лучшее из вашего опыта, исправить дефекты, сделать выводы для всего профдвижения, а инициатива, искание

новых форм, методов, приемов должны быть ваши.

Вот почему мы все время твердим— нельзя молодую, живую работу затиснуть в рамки циркуляров и инструкций. У нас во всяком деле слишком начинает развиваться система—это, мол, разрешается, а это запрещается. Нельзя в новом деле, в котором мы ничего не знаем, или еще очень мало знаем и, во всяком случае, многого не знаем, итти по такому пути. Мы до сих пор не знаем, почему, например, не идет в клуб взрослый рабочий. Объяснения, которые нам дают, неудовлетворительны: молодежь вытесняет,— говорят одни. Есть и другое объяснение у меня под рукой, объяснение, которое говорит о том, что как взрослого рабочего ни уговаривай, а он отвечает: Что мне в клубе делать? Чего я там не видал?—Иди в шашки поиграй.—В шашки я могу у себя на коридоре поиграть.— Ты почитай. — А почитать я могу лежа на своей койке.—А ты лекцию по-

слушай.—А я не хочу лекции слушать.— Почему же, спрашивается, они не идут в клуб? Вы знаете? Я не знаю, думаю, что вы тоже не знаете, но кто-нибудь, может быть, и знает. По-простецки к нас так говорят—не сумели ключей о взрослому рабочему подобрать. Наду изучить, надо исследовать те причины, которые делают клуб мало привлекательным для взрослого рабочего. Нельзя брать первое попавшееся объяснение и говорить—молодежь вытесняет, шумит. Очевидно, мы не нашли еще те струнки, за которые надо взяться для того, чтобы удовлетворить запросы взрослого рабочего, заинтересовать его.

Многого мы еще не знаем с вами. Мы не знаем, например, почему молодежь идет на кино-сеанс валом, а на лекцию — не всегда. Почему это? Лекция не удовлетворяет ее. Почему же не удовлетворяет? Очевидно, культурный уровень лекторов не настолько высок и не так они лекции читают, чтобы заинтересо-

вать молодежь. Инициатива, самодеятельность предполагают непрерывную работу над самим собою. Что тут можно сделать для воспитания новых слоев и нового молодого профактива? Профпропаганда — хорошая вещь, если она хорошо ведется, хотя мы здесь натыкаемся на ряд трудностей—кружки, школы, вечерние курсы. Давайте искать методов, давайте изучать, что лучше, что, где и как применять. Все может быть хорошо, но все зависит от того, как вести работу.

На какой бы форме вы ни остановились, какую бы ни признали лучшей—кружок, курсы, заочную пропаганду, вечерние курсы,—все наталкивается еще на один побочный вопрос—на недостаток лекторов-руководителей, потому что, я утверждаю, что даже центральная школа ВЦСПС, находящаяся в здании ВЦСПС, страдала порой от недостатка достаточно подготовленных лекторов. По тем сведениям, которые поступают к нам о системах и способах преподавания,—

что преподают и как преподают в провинции, является порой сомнение: школ у нас и кружков как будто много, но хорошо ли, что их так много? Как будто хорошо, а другой раз червячок сомнения говорит: а может быть было бы лучше, если бы их было поменьше? Мы слышим общий крик—недостаток руководства, недостаток инструкций. В этом деле, конечно, требуется организованное руководство. Недостаток литературы и отсутствие соответствующих пособий, конечно, мешают выполнению работы. Самое мощное пособие в этом деле—печать.

ЗАДАЧИ ПРОФПЕЧАТИ

Я позволю себе остановиться в нескольких словах на задачах профсоюзной печати, именно, на задачах наших газет, журналов, с одной стороны, и наших издательств—с другой.

Общим недостатком как профсоюзной, так и непрофсоюзной литературы яв-

ляется неряшливость, несолидность большинства изданий и недостаточная проработка их.

Помимо этого, я позволю себе сказать несколько слов о рабочих журналах, в том числе, о газетах. Когда я в начале своей речи сказал вам, что в дореволюционное время профессиональные журналы, были лучше—это совсем не являлось крылатым словечком. Те, кто помнят эти старые журналы, подтвердят, что многие из них были лучше теперешних. Потому ли они были лучше, что в настоящее время газеты убивают журналы, а тогда профессиональные журналы играли большую роль, так как другие виды прессы не были в руках рабочего класса? Потому ли, что те люди, которые раньше сотрудничали в журналах, теперь устали или занимают ответственные места и не пишут? Потому ли, что журналы отстают от жизни, или потому, что руководящие органы издают их только для приличия, не уделяя им того вни-

мания, которое уделялось профсоюзами в старое время и которое необходимо для того, чтобы журналы были действительно профсоюзными органами?

Я полагаю, что все эти причины играют известную роль в качестве журналов, но главная причина, по моему мнению,—это то, что профсоюзные органы, издающие тот или иной журнал, издают его по традиции, из-за приличия, порой из-за рекламы, не уделяя ему достаточного внимания, как профсоюзному органу.

У нас считается признаком хорошего тона—каждой союзной организации иметь свое издательство, и чем серьезнее организация, тем больше издавать печатных изданий: ежемесячники, 2-3 газеты, сборники, еженедельники, плюс всякие приложения, очередные и внеочередные. Я думаю, от этого явления нам надо решительно отказаться. Следует поменьше да получше издавать, идя по стопам Ильича—лучше меньше, да лучше.

Современный журнал союза является уже неинтересным, для членов союза, хотя бы потому, что все новости он сообщает через 2 недели после опубликования их в газете и ничего нового в политическом освещении этих событий к тому, что читатель получает в своих классовых газетах, дать не может. В старое время профжурнал был интересен, потому что он освещал события не так, как это делала господствующая печать, но теперь журнал с этой стороны теряет свою остроту. Специфически узких, цеховых вопросов данных слоев рабочих под углом зрения их экономических интересов он не отражает, ибо как может, напр., журнал союза химиков отражать интересы рабочих той или иной отрасли, когда он является конгломератом 5 или 6 отраслей производства?

Нам надо обратить серьезное внимание на содержание журналов, надо подумать, как сделать журналы интересными для читательской массы, чтобы они являлись

не формальными журналами, в которых $^{1}/_{3}$ посвящена вопросом международного положения, не всегда в грамотном освещении, а остальные заполнены мало интересным материалом. Если мы не можем создать тип профсоюзного журнала, тогда я считаю лучше имеющиеся журналы закрыть.

Возьмем издательства книжек по профдвижению, которые издаются многими издательствами в Ленинграде, на Украине и т. д. В каждом крупном ЦК есть свое издательство и свой журнал, который не читается теми, кто его издает, и теми, кто ими руководит. Я не стану обижать какую бы то ни было организацию, я не хочу никого обидеть и поэтому не взял с собой той коллекции журналов, которые порой написаны на полурусском языке. Очень обижаются товарищи, когда я демонстрирую на каком-нибудь собрании образцы творений их издательств, настолько обижаются, что ко мне перестали присылать журналы

(смех). И сегодня мне секретари докладывали с огорчением, что вот уже за несколько недель ниоткуда никаких журналов на мое имя не поступает. Это — картинка, маленький штришок, характеризующий как сами журналы, так и организации, которые их издают. После нескольких выступлений и бесед председателя ВЦСПС о дефектах союзных изданий они решили прекратить высылку ему журналов,—ну его к шуту, лучше от греха подальше! (Смех). Этим фактом организации выдают себя, показывают, что издаваемые ими журналы рассчитаны только на неграмотных, которым можно писать, что хочешь,— а от грамотных приходится скрывать их.

Халтура, общие неграмотности, перепечатки, исторические неверности, все это вы можете найти во многих профессиональных журналах. Я рекомендую культработникам взять издаваемые нашими союзными органами журналы и внимательно прочитать от начала до

конца, очертив в них красным карандашем искажения языка, неправильные обороты речи, неверности—мы не можем позволить себе для рабочего, для хозяина профсоюзной организации чорт знает как неряшливо и неграмотно писать.

Мы поставили на последнем пленуме ВЦСПС этот вопрос, считая его чрезвычайно важным. Мы поставили вопрос о наших издательствах, о наших журналах и мы хотели бы услышать слово от представителей с мест, крупнейших вождей рабочего движения: скажите, может быть наши журналы не хороши, газеты не хороши, закрыть их надо—давайте закроем. Исправить—скажите, как исправить. А они пока что проявили мало активности, оно понятно—они их не читают (Аплодисменты. Смех).

Если те товарищи, которые читают эти журналы, на этом совещании свое мнение о наших журналах и газетах скажут, мы будем им премного благо-

дарны. Думаю, что не много таких найдется, которые их читают.

РАБОЧЕЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО И РАБОЧАЯ ПЕЧАТЬ

Тут нужно усвоить себе, что такое рабочее издательство и что такое рабочая печать. Нас немного развратил нэп — коммерческий расчет, хозрасчет и т. д. Правда, у нас в профсоюзах в отношении к издательствам проводят весьма подозрительно этот хозрасчет. Начинают, исходя из мнимого хозрасчета, низводить до чрезвычайно низкого уровня, недопустимого уровня рабочую печать. Получается халтура, погоня за ходовой брошюрой, независимо от ее содержания. Метод распространения — всучить во что бы то ни стало, расчитывая на книжный голод и на святое доверие рабочих масс к печатному слову, ибо это печатное слово исходит от их рабочей организации, от их партии —

недопустим. В результате у рабочих получается горькое разочарование в этих книгах. Нами разве не наблюдаются теперь первые симптомы разочарования в книгах? Как бы вы ни спорили, а такой слепой веры в печатное слово, которая была, —нет, она начинает пропадать и у рабочих организаций и у вас самих. Многие из вас все, что издает солидное рабочее издательство, раньше брали не просматривая, считая, что свой не подведет, а теперь перестают их брать. Почему? Потому что сюда был введен элемент халтуры всеми издательствами. Когда люди работают на рынок, то забывают о том, что книжка, которую они должны давать рабочим,—это книжка, по которой рабочий учится, от которой он должен получить ответ на свои наболевшие вопросы. Лектора, руководители кружков берут книжки для того, чтобы получить в них ответ, помощь, руководство, а получают халтурные произведе-

ния, изданные одновременно под разными названиями несколькими издательствами. Что, разве это не бывает?— Бывает.

И когда, читая книжку, читатель дойдет до времен Иоанна Грозного, навсегда ему опротивеет и сам вопрос и книжка. На это рабочая печать и издательства должны обратить серьезное внимание. Либо они станут действительным проводником нашей работы, действительным орудием профпропаганды, дадут пособие, помощь нашим работникам, в том числе, и культработникам в их работе, станут руководством для профкружков, либо, как коммерческие предприятия, их нужно закрыть. Нам коммерческими предприятиями заниматься не к лицу. Для нас интересно рабочее издательство и каждое издательство, как один из органов нашей работы, и того, кто не сумеет понять важности этой работы, что это—величайший инструмент в руках рабочего класса—надо подальше

отсаживать от всякого издательства, от всякой печати, от всякого живого слова.

ПОДГОТОВИТЬ КУЛЬТРАБОТНИКОВ

Сейчас у нас нехватает достаточно подготовленных культурных работников. Мы должны путем печати и путем устной пропаганды не только пропагандировать в массах, но пропагандировать и самих себя, подтянуться, поучиться, осознать тот метод, с которым надо подходить к делу. От таких работников (я говорю это не только о профработниках, которые идут с легким сердцем на любой доклад и, придя на собрание, спрашивают: вам какой сделать доклад— об антиалкоголизме или китайской революции, я такой—обо всем могу) надо избавляться.

Надо требовать и стремиться, чтобы каждый вопрос, с которым вы выходите, был подготовлен. Нужно уметь исполь-

зовать каждую культурную силу внутри рабочего класса наиболее целесообразно, отбросить все эти лишние совещания, заседания, которые перегружают людей, мешают им работать.

Чем меньше заседаний, тем лучше работа.

Преувеличивать результаты письменных обследований не следует, потому что эти бумажные обследования слишком мало дают. На анкету полагаться нельзя: самые ответы на наши анкеты целиком лежат на доброй воле того, кто отвечает, а мы знаем, как в нашей некультурной стране начинает создаваться тип чиновника, который любит, чтобы все у него обстояло благополучно—от начальства скрыть, спокойнее будет—ответить получше, чтобы начальству угодить—при их условиях особенно опасно доверять анкетам.

Если в старое время мы знали таких губернаторов и исправников, которые, заполняя царские анкеты (анкеты и в

старое время были), на вопрос, в каком положении виноградарство в Пермской губернии, отвечали: „в настоящее время очень слабо, но в ближайшее время будет“, то и теперь такие ответы можно получить. Если спрашивают, сколько у вас кружков,—отвечают: „маловато, но не беда, завтра побольше состроим“.

Живое обследование, живое изучение опыта необходимо, надо изучать каждый опыт и использовать его максимально.

ПРОЛЕТКУЛЬТ

Я здесь хочу сказать пару слов о Пролеткульте. Товарищи зашумели, ожидая, что я буду ругать Пролеткульт. Я принужден их разочаровать, потому что ругать Пролеткульт следовало тогда, когда он был против нас и мешал нам, а теперь, когда он вместе с нами, мы его будем хвалить. Когда болезни Пролеткульта ликвидированы, нам интересно изучить его опыт, что он приобрел в

эти годы независимой, самостоятельной работы, иногда идя против нас. Этот опыт давайте используем, давайте посмотрим, что он помимо нас изучил, что пролеткультовцы знают—может быть, они могут нас кое-чему научить. Кое-что у пролеткультовцев было и неправильно,—это несомненно,—но это наши товарищи, которые шли другим путем, иногда, может быть, ошибались, но, ведь, это наши товарищи, дети нашего класса. Чтобы они из своего опыта ничего хорошего не вынесли—этого быть не может. Давайте используем все хорошее, что у них есть: опыт и силы, ибо у них культурных людей очень много и здесь они нам очень могут помочь. Используем это. Я думаю, что у нас вообще разговоров о Пролеткульте в процессе деловой работы происходить не будет и я думаю, через 2 года мы будем вспоминать, как о чем-то далеком, о всех этих разногласиях и спорах. К этому надо подходить не по казенному, а смо-

треть на Пролеткульт, как на свою родную организацию, за которую частью теперь мы отвечаем и которой предопределено работать с нами совместно. Надо работать вместе: история привела нас к совместной работе. Что будет дальше: растворится ли Пролеткульт в нашем культотделе, или он на некоторое время сохранится так, как есть, или опять отмежуется—не будем предрешать. Во всяком случае, будет так, как это необходимо для пользы дела. Не спорить сейчас о формальностях надо, а использовать то, что у них есть, соединив опыт. Я думаю, что в той части, в которой у них значительный опыт, а именно в области искусства, у нас его мало. Самые вопросы эти мало разработаны. Вообще, все, что у Пролеткульта есть хорошего, мы должны взять, использовать, ошибки учесть, плохое отклонить. Я не сомневаюсь в том, что товарищи из Пролеткульта с полной готовностью помогут нам в нашей ра-

боте. Народ мы довольно крепкий, линию, которую мы имеем, никто не поколеблет,—она непоколебима,—а если в лице Пролеткульта получим подспорье довольно серьезное, то это будет немаловажный успех.

КИНО И РАДИО

В двух словах я хочу сказать о той роли, которую в ближайшее время приобретет для нас кино и радио. Опыт нашей работы в области кино показал, что мы не сумели с ним справиться, боюсь, что как бы не получились такие же результаты и с радио. Те, кто вчера был в Москве и слушал радио, могли слышать интересную перебранку по радио между культотделом МГСПС и ВЦСПС, с одной стороны, и радиопередачей—с другой. Это не интересно, но поучительно. Какое колоссальное внимание и интерес проявлял Владимир Ильич к радио. Владимиру Ильичу не пришлось дожить до

того момента, когда действительно можно из Кремля говорить по всему СССР. Этому он придавал колоссальное значение. Радио быстро шагает, несомненно, в ближайшее время оно будет иметь большие успехи, но и те достижения, которые есть, уже ставят кое-какие проблемы перед нашими профессиональными работниками.

Мы бьемся над профпропагандой, мы бьемся над вопросом о недостатке культурных сил для обслуживания кружков, лекций и т. д., а, между прочим, хорошо поставленная станция дает кое-какое разрешение этим вопросам. Я не буду сейчас выдвигать конкретных планов, но при тех, порой, значительных суммах, которые в общей сложности тратятся отдельными организациями на культурно-просветительные цели, я думаю, нам, профсоюзникам, было бы по карману соорудить хорошую радио-станцию, да такую, которая бы никому не мешала и ни с кем не ругалась. Наступило время

подумать об использовании радио для наших союзных целей, поставить это в порядок дня, заинтересовать этим наши руководящие союзные органы. Тут, конечно, становится вопрос: как же так, 2-3 станции в Москве не могут ужиться, все друг друга плечами толкают, как же мы будем еще станцию разводить?

Говорят, что в Нью-Иорке работает до 600 станций и одна другой ни капельки не мешает и если это происходит у нас, то от некультурности. Вы знаете, в первое время, когда езда была маленькая, два извозчика, встретившись на улице, столкнутся и поднимут крик на всю улицу, но когда культура растет и развивается—сотни автомобилей едут и без крику. Так же и здесь.

НАШИ ЗАДАЧИ

Суммируя наши задачи, оканчивая свой доклад, я должен сказать товарищам, что у нас еще много недостатков,

и они еще долгое время будут—работа новая. Но если мы сопоставим наши достижения за то время, которое мы работаем, если мы посмотрим на то, что мы сделали, то мы увидим колоссальные завоевания. Если принять во внимание, что первые шаги в культурной деятельности нам пришлось сделать в обстановке скептицизма к этой работе, в обстановке, когда руководящие слои профдвижения были так настроены: ну что же, поработать тут можно, только толк какой,—когда приходилось заниматься культурно-просветительной работой среди руководящих слоев профессионального движения, при слабых средствах,—то наши успехи велики. Если мы сравним постановку нашей культурно-просветительной работы с Западной Европой, мы увидим, что поработали недаром, что есть чем похвастать.

В умах иностранцев, посещающих СССР, оставляют впечатление не наши

фабрики, которые технически отстали, не блеск Москвы и не техника нашей профессиональной работы—техника у них больше, но размах нашей общей работы и особенно культурно-просветительной. Вот что поражает иностранцев, а ведь мы работали так мало времени! Мы должны будем неустанно, не на бумажке, а на практике изучать опыт, наши дефекты и достижения, обобщать их, уметь вносить живую струйку любви в дело, в культурно-просветительную работу, где бы она ни велась и как бы ни велась, поставить живое изучение таким образом, чтобы решающим голосом, решающим документом, решающим свидетельством, оценкой нашей культработы была бы не бумажка, посланная от заведывающего культотдела нижестоящей организации к вышестоящей; мы будем неуклонно прислушиваться к оценке самих масс, а не к тому, что похвалят нас сверху или снизу после нашего отчета на том или ином съезде или

конференции. Если будем изучать, почему рабочим это не нравится, а это нравится, почему такие-то слои не идут в клуб, чем они в клубе недовольны, как сделать это интереснее, как захватить рабочих целиком в орбиту своего союзного влияния,—если мы пойдем по этому пути, если мы будем неуклонно работать над улучшением, оздоровлением, поднятием на должную высоту нашей рабочей печати, неуклонно работать все вместе над культурным уровнем масс и над повышением общего уровня культуры в рядах самих профработников, всех вместе и каждого в отдельности, не забывая необходимости неуклонной ежедневной и ежечасной работы над собой, если действительно каждый в своей работе не будет забывать основного, что как бы мала ни была культурно-просветительная работа, та или иная частичка работы, какой бы она ни была на первый взгляд узкой, специальной и на первый взгляд ни-

чтожной, то, сливаясь, эти частички дают колоссальную гигантскую работу, какой еще не видел мир. Вся эта работа неуклонно, изо дня в день, может быть, медленнее, чем мы бы этого хотели, но поднимает в культурном отношении рабочий класс ступенькой выше и выше. Выполняя эту работу, мы выполняем взятое на себя обязательство перед рабочим классом—неуклонно бороться и работать над улучшением его материального положения и поднятием его духовного уровня, выполняя величайшую задачу повышения культурного уровня рабочих масс, мы подготовим необходимую предпосылку для успешного развития и завершения дела социалистической революции.

Тот, кто думает, что без широкой культурно просветительной работы, без неуклонного поднятия культурного уровня рабочих масс и всего населения можно индустриализировать страну и достигнуть больших успехов—тот ошибается.

Высшая техника, высшая степень культуры обязательно требуют поднятия всего культурного уровня рабочего класса, который у нас, в обстановке диктатуры пролетариата, является сознательным творцом, строителем своего рабочего государства; в нашей стране сознательность рабочего класса является одним из важнейших факторов; не поднимая культурного уровня рабочего класса, нельзя обеспечить правильное руководство рабочим государством, нельзя бороться с бюрократизмом, с его уклонами, нельзя двигать новые и новые тысячи рабочих и обучать их делу управления государством.

Выполняя всю эту работу, вы выполняете одну из задач профессиональных союзов, как школы коммунизма, работу большую и почетную. Я без тени преувеличения говорю, что культурно-просветительная работа сейчас является труднейшей, сложнейшей и важнейшей отраслью союзной работы. Коллектив-

40 к.

ные договора мы писали десятки лет, нам легко здесь учиться и итти дальше, ничего тут нового нет, к тому же перед нами был готовый опыт Западной Европы, чтобы такую работу развернуть, но в культурно-просветительной работе неизбежны были ошибки, неизбежны блуждания, недоразумения. Ошибки мы делаем—верно, но если действительно, каждый из нас будет помнить ту гигантскую задачу, которая стоит перед нашими союзами, то с культурной работой мы справимся и через 3 года мы увидим колоссальные результаты на много превышающие наши успехи за истекшее время (Бурные аплодисменты).

